

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИИ КАМЕНКОВИЧ¹

Categorization of Time in the Works of Maria Kamenkovich

Keywords: *Maria Kamenkovich, time in poetry, Russian emigration of the 90s, poet and time, philosophical poetry*

Contact: *Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave; medukhal@ucm.sk*

Мария Каменкович — поэт той волны русской эмиграции после распада СССР, существование которой не принимается всеми учёными, не в последнюю очередь по той причине, что условия и факторы этой волны отличаются от предыдущих. Актуальность исследования этой волны эмиграции обусловлена не только нарастающим временным промежутком, который позволяет исследователям увидеть картину более объективно, но и небольшим количеством работ, посвященных данной теме (Минеева 2012).

Творчество М. Каменкович соединяет традиции авангарда и необарокко, метафизическую поэзию и исследования телесного (особое место уделено зрению). Материалом для нашего исследования являются сборники поэзии «Петербургские стихи» (2005) и сборник стихотворений разных годов «Между явью и сном» (2021), а также материалы сайта, посвящённого М. Каменкович (<http://mariakamenkovich.eu/>). Цель исследования — категоризировать образ времени и временные маркеры в творчестве поэтессы, что позволит выделить магистральные образы, темы и сделать выводы об авторском мироощущении и стиле. Соответственно, в исследовании используется мотивный анализ и сравнительный, структурно-семантический методы.

М. Каменкович родилась в 1962 г. в Ленинграде. Годы жизни в Германии (г. Регенсбург): 1995–2004. В соавторстве с В. Карриком создала академический перевод «Властелина Колец» Дж.Р.Р. Толкина. В эмиграции М. Каменкович работает над созданием житий немецких святых, публикует статьи

¹ Работа выполнена при поддержке проекта FPPV-38-2022 под названием «Rímsky text v tvorbe Oľgy Sedakovovej a Eleny Schwartzovej».

и стихотворения в русскоязычных журналах «Родная Речь», «Крещатик», «VIA REGIA», «Студия», «Век XXI», «Партнёр». В июле 2001 г. выходит большая публикация стихотворений в газете «Русская мысль», в мае 2004 г. – подборка стихотворений в литературном журнале «Новый мир».

Учитывая структурно-семантический подход, необходимо уточнить время, которое становится объектом нашего исследования, следующим образом: «Миру произведения принадлежит то пространство и то время, которое является объектом высказывания и находится вне речевого акта, хотя иногда точка отсчета может помещаться и в самом акте речи» (Фарино 2004: 363). Как и профессор Е. Фарино, мы фокусируемся на времени и как на свойстве мира, и на его переводе в объект высказывания (и соответствующие темы времени). Грамматические категории времени не являются объектом данного исследования, но их анализ может принести интересные результаты в сочетании с методами точного литературоведения. Обзор творчества поэтессы позволяет рассматривать и такое особое для М. Каменкович время, как закат, что является временем неба.

Произведение обладает временем и пространством, которые также являются частью его художественного мира. Произведение лирическое за счёт своей нередко меньшей протяженности в реальном мире обладает более высокой степенью условности времени и пространства как таковых. Время может быть не всегда явлено в лирике, находясь на втором плане за речью лирического субъекта. В то же время, оно может быть объективировано через описание прошлого, настоящего или будущего или через рефлекссию над временем, в котором находится субъект (век, поколение, историческое время).

В лирике М. Каменкович присутствуют и символы, и особые миры, время в которых приближается к времени мифологическому, т.е. цикличному. Внутренний интертекст писательницы требует от реципиента внимания к таким образам и меткам времени, как день, ночь, восход и закат. Именно к закату и закатному небу обращается лирический субъект М. Каменкович в эссе «Книга петербургских закатов», что становится особым хронотопом. Вот что пишет М. Каменкович в этом эссе из сборника «Петербургские стихи»: «Петербург – вообще город Заката. Город, Претерпевающий Закат. Долгий северный закат для Петербурга символичен. Рассветы здесь чаще всего мучительны: холодно, темно. (...) уже давно известно, что никто никуда не поскачет, а все так и замрёт в претенциозной позе. (...) В Петербурге возлагается меньше надежд на День Этого мира, чем, скажем, в Москве. (...) Петербург смотрит за горизонт пророческими, знающими очами: в закатный отказ от здешнего, в запредельность, в преодоленность дня, в запредельность, за-суетность, за-ночь. А тем временем

ночная нечисть уже готовится как следует разгуляться после заката» (Каменкович 2005: 77). В этом отрывке устанавливается один из аспектов мироощущения в поэзии М. Каменкович – безвременье, вневременье, что проявляется во многих философских стихотворениях сборника «Между явью и сном» (2021), например, в «Еженощно» (1984): «Там, где ночь еще – // это будущее мое, // Там, откуда солнце уйдет – // это мое бывшее (...) в тех местах, откуда уходит время» (Каменкович 2021: 94) или в «САД В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЛАВРЕ (...)» (1998): «Дует ветер с градом // на прожитые мною жизни. // Там устанавливается безвременье, // и они пересыхают (...)» (Каменкович 2005: 21). Разворачивается это состояние и в одном из более ранних стихотворений «Автобус» (1979): «Я был из времени изъят // И мирозданья. // Прошли века. Кругом стоят // Другие зданья!» (см. сайт). Мотив заката в поэзии М. Каменкович представляется актуальной задачей и требует отдельного обширного исследования.

Характеристика времени также выражается в описаниях начала и конца, того, что было до бытия и после него, или не будет, не происходит: «нет никакого ПРЕЖДЕ» (Каменкович 2021: 21), «быль и небыль встают по всей земле» (Каменкович 2021: 23), «нам нет времён, исхода нет» (Каменкович 2021: 104), «неспособный окончиться завтрашним день вчерашний» (Каменкович 2021: 116), «Ноги – на кромке волн // пустынных, открыт зазор // Меж "было", "есть" и "всегда"» (Каменкович 2005: 69). Это не только известное «the time is out of joint», это и мироощущение лирического субъекта, который уже не может воспользоваться абстрактными категориями «до», «после» и так далее. С этим связаны и авторские размышления по поводу того, как переживается впечатление в жизни, в реальности, и как оно затем переносится в память, а потом – в текст. «А с небесами у людей отношения совсем иные. Небо УЧИТЫВАЕТ нас. (...) Но вот что странно: когда восстанавливаешь тот или иной закат по старым записям, достаточно вспомнить что-то одно, – и перед глазами встаёт вся картина целиком, в полной точности и одухотворенности. И, однако, это всегда – воспоминание и уже никогда – потрясение» (Каменкович 2005: 81). Особое внимание в этом отрывке из поэмы в прозе М. Каменкович необходимо уделить моменту переживания, т.е. практически феноменологическому эпохе, которое лишено тематизации и любых ассоциаций. Это состояние приближается к нуминозному опыту, откровению поэта-автора и, затем, лирического субъекта. «В том мистика, метафизика и просто смысл закатов, что они – хотя и не всегда, не механически, – предоставляет себя в качестве подмостков для явления в мир Высшего Смысла» (Каменкович 2005: 86). Таким образом, явление смысла –

не только вдохновение, но и остановившееся мгновение, которое ценно само по себе. Оно обладает высоким потенциалом экспликации, т.е. структуры работы с временем и пространством такого мгновения закладывают основы для мироощущения поэта, формируют схожие структуры в других текстах.

Вместе с этим, для лирического субъекта возможно и другое состояние: внимание к вещам, жизнеутверждающая повседневность, что изображено в стихотворениях «Здравствуйте, новые вещи (...)» (Каменкович 2021: 139) и «Дни разлуки с Тобою (...)» (Каменкович 2021: 142). Стихотворения написаны с временным промежутком в 7 лет, но внимание лирического субъекта к заполненному вещами пространству объединяет эти тексты. Время замедляется, появляется решительность и осознание того, что будущее будет и есть настоящее. Несмотря на заполненность пространства, в текстах используется общее слово «вещи», т.е. динамизм не повышается, время, наоборот, замедляется и даёт место любви и благодарности. В таком состоянии можно найти опору, несмотря на чувство «заброшенности» человека в мир: «Здравствуйте, новые вещи. // Я вас полюблю навечно (...) Прошагаю ранней Фонтанкой, // Заживу бескровною ранкой» (Каменкович 2021: 139); «Дни разлуки с Тобою — // дни встречи с вещами: // глажу их по головкам, // плачу и обнимаюсь. (...) А стихи мои, кто вы? (...) будьте когда хотите» (Каменкович 2021: 142). Здесь есть и принятие себя, и собирание себя из окружающего мира, т.е. впитывание материального, которое явлено даже в моменты, когда присутствие Бога не ощущается. На основе этого происходит и отделение от внешнего социального мира: «Да чтоб ты от меня отстал, // Не стучался бы в мой кристалл» (Каменкович 2021: 139). Несмотря на стремление к изолированности, чувство расположения к быту, к свету повседневности укрепляет связь субъекта со всем миром.

Интерес представляют образы прошлого и будущего, которые не деконструируются, а переплетаются между собой в необычное явление, схожее с безвременьем, о котором было сказано выше. Тем самым создается необарочный синтез антиномии «прошлое — будущее». Результатом является переплетение памяти и потенциалов лирического субъекта. Это формирует иную основу вместо состояния выброшенности субъекта «за» историю и обычный ход времени. Сплетения времени наблюдаем в следующих строчках: «быль и небыль встают по всей земле» (Каменкович 2021: 23), «и, как сено в траве, путается — в завтра путается вчера» (Каменкович 2021: 50), «раньше я не знала, // что былое и настоящее — однородно. // задержи настоящее и взгляни (...) если это будет минута Пресуществленья» (Каменкович 2021: 100). Такое время нельзя назвать пустым, оно наполнено всем и приближается к сверхнасыщенному моменту или

к циклической замкнутости. Более того, в особом ощущении единого временного потока время наделяется антропоморфной способностью суждения: «И время нас — не осудит: // Не было — но есть и станет // Не будет — но есть и будет...» (Каменкович 2021: 138). При этом важно то, что понятия равномерных «вечности» или «бесконечности» здесь так и не возникают, так как обладают внеположной по отношению к жизни природой. Именно в моменте, именно на земле синтез прошлого и будущего открывает перед лирическим субъектом новое понимание жизни и времени.

Объективацией времени является и обращение в тексте к естественному циклу деления времени (маркеры суток: день—ночь—утро—вечер; времена года). М. Каменкович обращается ко дню вчерашнему: «И дик и страшен день вчерашний, // И взвеси мглы над ним, и сыро (...)» («ТА ЗИМА», 1982, сайт); «Свобождайся же, день вчерашний, // Несмеющийся, оскуделый!» («Парсифаль», сайт). В творчестве также используются маркеры времени года («так зиме угодно длиться», «лето отступничеств»), а стихотворение «Лето отступничеств» является диалогом между лирическим субъектом, который принадлежит январю, и кем-то, кто «с маем заодно» — обращение заканчивается парадоксальным временем-местом адресата: «Где ты (...) Нема в плену Глухого Мая // На землях Мёртвых Январей» (1984, сайт). В текстах среди других времён года чаще присутствует зима, в противовес которой присутствует и весна. Однако, последняя представлена опосредованно временем праздника Пасхи.

Дни недели выполняют роль временных границ и пространств-сюжетов в поэме «Деревья» (Каменкович 2021: 59–69). С понедельника по четверг дни идут целостно, пятница и суббота разбиваются на собственно пятницу и субботу, а затем на полдень и вечер. Воскресенье отдается Воскресению Христовому: «(...) Время отплывать седмице // В день дыханья и спасенья» (Каменкович 2021: 69). Каждая часть поэмы — отдельный сложный образ деревьев, которые концентрируют вокруг себя ход времени и превращаются в адресатов философского монолога субъекта, проживающего нуминозный опыт. Фрагментарность и саморефлексия данного уровня характерны для лирических поэм 90-х, например, в творчестве Е. Шварц и И. Штрпки (Барковская, Громинова 2017: 476).

Членение времени по оси «прошлое—настоящее—будущее» подготавливает и тему «поэт—время», где линейность осмысливается через социологические категории (поколение) и культурные (лирический субъект и культурные традиции, наследие, историческое время). Поколение М. Каменкович названо А. Иконником-Галицким «Пропущенным поколением». Вместе с М. Каменкович

они принимали участие в лито В. Сосноры. Осмысление своего поколения и культурного наследия русской литературы и петербургского текста – мотивы, которые присутствуют в творчестве М. Каменкович. «О мы не первая трава // В разлив у храма Покрова, // О мы не соль, не тишина, // И нас земля не лишена» (сайт), «Звана – по это время, // звана – по СИХ людей (...)» (Каменкович 2021: 74), «Будем же граждане государства // рассеяного во временах и народах» (Каменкович 2021: 99), «И мним, птенцы у льва: настанут сроки – // И карты в руки, и у нас – игра (...)» (Каменкович 2005: 46). Осмысление века и диалог с традицией реализованы в стихотворении «Настало вечное "потом" (...)» памяти В. Кривулина, предваряемое известными строками О. Мандельштама «(...) Век мой, зверь мой, кто сумеет (...)». Образ века-зверя венчается образом заката и видением нарушенного времени: «Закатный шар, как символ "стоп", // Перечеркнула ветка, // И вырван позвоночный столб // У будущего века» (Каменкович 2021: 171).

Историческое время – это обращение к разным культурам, к Античности: «На поле – войско басурман. // Вот край предсказанных времён!» (1983, сайт), «Истории водоворот // затягивает нас незримо – // невидимый смыслопровод // сработанный рабами Рима» (Каменкович 2021: 33), «Старье, расчет с былым, что "нынче" не чета – // Потрепанных дворов дворянский разнобой (...)» (Каменкович 2005: 47), «Доселе мне не звучал немецкий, // Которым камни крепки – и русла // Истории – не д у ш а, а с и л а» (Каменкович 2005: 49). При этом лирический субъект осмысливает и то, что история способна повторяться, и субъекту необходимо найти место в будущем: «История минула. Бой позади. // В развалинах новые грянут пиры. // Но кто я и с кем я для новой поры?» (Каменкович 2021: 45). В этой сфере находится и тема памяти. «Старый лад больше не нужен, // Вспоминать выйдет во вред» (сайт), «тогда – мельканье, огонь, зола. // Сегодня – память: в ней нету зла» (Каменкович 2021: 96).

Сопутствует идее разделения времени и формирования своеобразных временных границ, которые сопряжены не только с осмыслением смерти (и памяти), а и с ожиданием Пасхи и Воскресенья. Временная граница трансформируется в теме вечного возвращения: «Я знаю – через несколько столетий // В каком-то времени из параллельных (...) все как прежде» (Каменкович 2021: 149). Пейзаж во времени, которое заканчивается, представлен в одном из стихотворений немецкого периода: «Звезда над полем. На излете век. // Тевтонские холмы. Глухая ночь. // Осталось на три точки многоточь- // е, fin de siecle, а мы удалены» (Каменкович 2005: 74). Обращение к ощущению «конца века» имеет широкое интертекстуальное поле: от писателей Серебряного века

до стихотворения И. Бродского «Fin de siecle». Именно об И. Бродском говорится в стихотворении М. Каменкович дальше: «что двадцатый век // Обрушился, не докончавши бег // В пустой февраль без Бродского, в свое // Опровержение, в мерзлое жнивье» (Каменкович 2021: 75).

Экзистенциальные мотивы философской поэзии М. Каменкович реализуются в разных стилях. Это можно проследить в размышлениях и описаниях о жизни и её метафоре – пути, которые, безусловно, обладают временной протяженностью: «И не годы – а дни состарят, // обступят всюду» (Каменкович 2021: 82), «Мир более не будет молод. // Но что нам дадено – сегодня?» (Каменкович 2021: 91), «Я думаю, день, ты минул, // успев осиять на миг // Любимых, что править миром // могли бы (...)» (Каменкович 2021: 129), «Я – очевидец своих восемнадцати лет» (Каменкович 2021: 134), «и за неведомое завтра – на кромке его разбит // мой шатер кочевника, кочующего во временах» (Каменкович 2021: 152), «Чудо – в замерших каскадах // Времени судеб» (Каменкович 2005: 51). Здесь присутствуют и символы, и стилизация под архаику, и авангардный, телесный взгляд на хаос времени: «Я – очевидец своих восемнадцати лет. // Это – почти очевидец своих лопаток. // Прочим – за это время распрь и распадов // Уцепиться – приспособлений нет» (Каменкович 2021: 134).

Отдельного внимания заслуживает ещё одна вариация времени, которая формирует и особое гетеротопичное пространство – лиминальное время, которое представлено соотношениями «время – путь», «время в пути», а также «временем перехода» и одним из мотивов поэзии М. Каменкович – «временем, которое не успевает / не успело стать». Примером могут служить следующие цитаты: «о страна, где уже никогда» (Каменкович 2021: 51), «Это – время коротких печальных поездок, // где ни флирта ни друга ни горя ни пыла (...) Это умное время коротких пустынных поездок» (Каменкович 2021: 76), «Это время коротких поездок, пирушек пустынных, // где до времени тлеют снега (...) но долго не будет ответа» (Каменкович 2021: 77) (последние два текста являются диптихом). Лиминальное время отличается от метафоры «жизненного пути» большим акцентом на исключении субъекта из жизни, вневременьи перемещения между пространствами (см. выше).

Таким образом, в творчестве М. Каменкович присутствуют как и распространённые маркеры времени (суточный цикл, времена года) и темы (жизнь, жизнь как путь, память, поколение, история, поэт и время), так и особые, формирующие мироощущения поэта, образы. Это состояние безвременья, синтез «прошлого» и «будущего» необарочного характера, время-состояние внимания к вещам (носит феноменологический характер). Одна из особенностей

выстраивания взаимодействия лирического субъекта с миром заключается в том, что мир наделяется активной позицией, обращённой к человеческому сознанию: «Встречи Бога с местом и временем всегда особенны, а именно: не просто подразумевают наблюдателя, а ради него как раз и совершаются. (...) А встречи места и времени с самими собой или с людьми наблюдать скучно. Тут ничего нового не произойдёт» (Каменкович 2005: 86). Поэтому исчезновения субъекта из обычного течения времени не является фактором его отчуждения от общества или экзистенциального страха. Субъект занимает позицию зрителя после откровения, т.е. благодарного и принимающего данность своего существования сознания. В разнообразии состояний и хаосе уже произошедшего разворачиваются философские идеи, становятся актантами текстов. В процессе обретения такого слова лирический субъект в творчестве М. Каменкович находит центрирующий его феномен.

Summary

The article analyses the ways of categorization of time in the work of Maria Kamenkovich. The analysis carried out allows us to draw conclusions about the author's worldview and the topics that occupy a prominent place in her work. Universal themes like “a poet and time”, “a poet and history» are also explored. The work's relevance is based on the growing need to fill the gap in the Russian foreign literature of the 80-90s studies, especially in literary research of modern philosophical poetry.

Литература

- Барковская, Н., Громинова, А.** Лирическая поэма Ивана Штрпки «Интермедии. Марионетки, укороченные на голову»: семантика заглавия и метафорика сюжета. *Studia Slavica Hungaricae*. 2017 (62/2), с. 475–486.
- Каменкович, М.** *Между явью и сном*. 2021.
- Каменкович, М.** *Петербургские стихи*. 2005.
- Минеева, И.Н.** *Литература русского зарубежья (XX – начало XXI в.)*. Петрозаводск: Издательство КГПА, 2012.
- Фарино, Е.** *Введение в литературоведение*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.

*Сайт памяти Марии Каменкович. Режим доступа: <https://mariakamenkovich.eu>
(2022-10-04).*

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND
Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0